

Кир Булычев

О страхе

*Часть сборника
Монументы Марса (сборник)*

Кир Булычев

О страхе

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135634
Монументы Марса: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18314-0*

Аннотация

«Перед Курским вокзалом с лотка продавали горячие пирожки с мясом. Мягкие и жирные. По десять копеек. Раньше их продавали везде, но, видно, с увеличением дефицита мясных продуктов, при косной политике цен, когда нельзя волонтаристски увеличить цену на пирожок вдвое, столовые предпочитают сократить производство пирожков...»

Кир Булычев

О страхе

Перед Курским вокзалом с лотка продавали горячие пирожки с мясом. Мягкие и жирные. По десять копеек. Раньше их продавали везде, но, видно, с увеличением дефицита мясных продуктов, при косной политике цен, когда нельзя волюнтаристски увеличить цену на пирожок вдвое, столовые предпочитают сократить производство пирожков.

Я смотрел на короткую очередь к лотку и представлял, как эти пирожки медленно вращаются, плавают в кипящем масле, и мне хотелось пирожка до боли под ложечкой. И я был горд собой, когда сдержался и вошел в стеклянную дверь, отогнав соблазнительное видение. Мне категорически нельзя есть жирное тесто. Еще пять лет назад у меня был животик, а теперь некоторые называют мой животик брюхом. Я слышал, как моя бывшая возлюбленная Ляля Ермошина говорила об этом подруге в коридоре. Они курили и не заметили, что я подошел совсем близко. А когда увидели меня, то засмеялись. Как будто были внутренне рады, что я случайно подслушал их слова.

Сентябрь. Вокзал переполнен народом. Такое впечатление, что вся страна сорвалась с мест, с детьми, бабками, тюками, чемоданами, ящиками... Бесконечные ряды сидений на втором этаже были вплотную заполнены людьми. Если

кто засыпал, то склонял голову на плечо соседу. Не больше. Некоторые транзитники проводят на вокзале по нескольку дней, отстаивая безнадежно длинные очереди к кассам, толпясь в переполненном буфете, торча часами у киосков «Союзпечати», и, если билет наконец добыт, но до отхода поезда остались еще часы, а то и дни, бросаются на милость экскурсоводов и отправляются в автобусах поглядеть на Москву при электрическом освещении. Даже громадный, высокий новый зал вокзала не может рассеять российский железнодорожный запах, который, как мне кажется, живет в полосе отчуждения с середины прошлого века, так как в нем смешиваются не только ароматы современные – дух электрических искр и разогретой пластмассы, – но и такие давно умершие в иных местах запахи, как вонь онуч, скисшего молока, избы, которую топят по-черному. И все это смешивается с извечными признаками дороги – смесью воздуха из плохо промытых, пропитанных хлоркой уборных, бурого угля и просмоленных шпал. Никуда нам не деться от этой симфонии запахов. Я подозреваю, что даже на космодромах, когда космические путешествия станут обычным делом, возникнет и приживется этот обонятельный комплекс.

Внизу, где потолок нависает над подземным залом, где покорные хвосты пассажиров маются у камер хранения, за рядом столов, где молодые люди с острыми глазками торгуют старыми журналами и книжками, что никто не покупает за пределами вокзала, на стене висели телефоны-автоматы. Пе-

ред каждым по три-четыре человека, внимательно слушающих, что может сообщить родным или знакомым тот, кто уже дождался своей очереди. Я был четвертым к крайнему автомату.

Я полез в карман и, конечно же, обнаружил, что двухкопечной монеты нет. Даже гривенника нет. Я достал три копейки и голосом человека, который умеет просить (а я не выношу просить), обратился к человеку, стоящему передо мной.

– Простите, – сказал я. – Вы мне не разменяете три копейки?

Человек, видно, глубоко задумался. Он вздрогнул, будто не мог сообразить, что мне от него надо. Он обернулся, сделав одновременно быстрый шаг назад. Я впервые увидел его глаза. Сначала глаза. Глаза были очень светлые с черным провалом в центре зрачка и черной же каемкой вокруг. Они мгновенно обшарили мое лицо, а я в эти секунды смог разглядеть человека получше. Лицо его было таким узким и длинным, словно в младенчестве его держали между двух досок. Мне в голову сразу пришла дурацкая аналогия с ногами знатных китайцев, которые туго пеленали, чтобы ступни были миниатюрными. Нос этого человека от такого сплющивания выдался далеко вперед, но еще больше вылезли верхние зубы. Я бы сказал, что лицо производило неприятное впечатление. На человеке был старомодный плащ, застегнутый на все пуговицы.

– Какие три копейки? – спросил он, словно я потребовал

от него кошелек.

– Ну вот... – Я чувствовал себя неловко, но отступить было поздно. – Видите? – Я показал ему трехкопеечную монету. – Мне надо разменять. А как назло, срочный звонок. Понимаете? Может, по копейке?

– Нет, – быстро ответил человек. – Я сам достал. С трудом.

– Не беспокойтесь. – Мне хотелось как-то утешить человека, который явно находился под гнетом страха. – Я найду. Извините. Только, если кто-то подойдет, скажите, что я за вами.

Человек быстро кивнул.

Я пошел по залу к столам с журналами, и мне казалось, что он смотрит мне вслед.

Молодые люди, которые торговали журналами, разменять монету не смогли. Или не хотели. Им надоело, что в течение дня сотни людей подходят к ним с подобной же просьбой. Наверное, если бы я купил прошлогодний номер «Науки и жизни», они отыскали бы две копейки. Но тратить рубль только из-за того, чтобы эти бесчестные люди снабдили меня монетой, я не мог.

После неудачной попытки у аптечного киоска я остановился и еще раз обшарил свои карманы. Оттуда мне был виден испуганный узколицый человек. Как раз подходила его очередь.

Вдруг я нашел монетку. В верхнем кармане пиджака. Как она могла туда попасть, ума не приложу.

Я вернулся к автоматам. За узколицым человеком стояла девушка с сумкой через плечо.

– Я здесь стоял, – сообщил я ей.

– А мне никто не сказал, – заявила девушка агрессивно.

Меня смущает агрессивность в нашей молодежи. Как будто эти хорошо одетые, сытые подростки заранее готовы огрызнуться и даже ждут предлога, чтобы тебя укусить.

– Подтвердите, товарищ, – сказал я узколицему человеку, который уже взялся за телефонную трубку.

– Да, – сказал тот, – это так. Гражданин занимал очередь. Я подтверждаю.

Девушка отвернулась, ничего не ответив. Могла бы и попросить прощения за грубость тона. Хотя, впрочем, она же этого тона не ощущала.

Узколицый человек позвонил в справочную. Я не мог не слышать, о чем он говорит. Но я стоял слишком близко к нему, опасаясь, что по окончании его разговора нахальная девушка может оттеснить меня.

– Девушка, – сказал узколицый человек, дождавшись ответа, – я хотел бы выяснить у вас телефон одного лица... Да, эти данные мне известны. Мик Анатолий Евгеньевич. Год рождения тысяча девятьсот первый... Нет, адреса не знаю. Но ведь фамилия редкая!..

Он ждал, пока девушка найдет нужную строчку в своей справочной книге, прикрывая ладонью трубку. Даже в полутьме этого угла зала мне было видно, что ногти у него гряз-

ные.

– Не значитесь? Ну конечно, он мог уехать... Ну конечно, он мог умереть... давно, еще до войны. Нет, не вешайте трубку! Пожалуйста, проверьте тогда: Мик Иосиф Анатольевич или Мик Наталья Анатольевна. Год рождения? Соответственно тридцать первый и тридцать третий. Я подожду.

Девушка перешла к другому автомату, где уже кончали говорить.

Узколицый человек снова зажал трубку ладонью и поглядел на меня загнуто и виновато.

– Сейчас, – сказал он. – Она скоро.

Я постарался вежливо улыбнуться. Ситуация выглядела банально. Человек приехал в Москву. Вернее всего, его поезд уходит завтра, в гостиницу он не устроился, ночевать на вокзале не хочет. Вот и принялся искать давно забытых родственников.

– Нет? – услышал я голос узколицего. – Вы уверены? Вы хорошо посмотрели?.. Да-да, простите за беспокойство.

Он повесил трубку.

– Я так и думал, – сказал он мне.

– Ну ничего, – ответил я. – Они в самом деле могли уехать.

– Куда? – спросил он, как будто я должен был дать ему ответ.

– Столько лет прошло, – сказал я.

– Вы откуда знаете? – Глаза его сразу стали почти белыми от вспыхнувшего недоверия ко мне.

– Я ничего не знаю, – ответил я мирно. Я вообще мирный человек. Я согласен с теми, кто утверждает, что толстые люди более добры и великодушны, чем худые. Хотя, конечно, не мешало бы и похудеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.